

Н. ГЕККЕР

Реакционная проповедь

«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции

Бедная русская интеллигенция! Каждый раз, когда обостряются наши отечественные неблагополучия и мы не знаем, как выйти из затруднений, в которые поставила нас история, — мы неизменно находим одного и того же виновника всех бед, своего рода «стрелочника» на тяжком пути нашего прогресса — бедную русскую интеллигенцию. В лучшем случае, когда ее не сажают на скамью подсудимых и ей не грозит полное осуждение, предъявляется иск к ее «духовным ценностям», и тяжба кончается той или иной более или менее существенной урезкой этих последних. И удивительнее всего то, что иски и процессы учиняются не теми, которые являются провиденциальными гонителями интеллигенции, а теми, которые сами стоят в ее рядах и могут считаться истинными и самыми типичными интеллигентами.

Характерные споры о том, что такое интеллигенция и чем она должна быть, начались главным образом с 70-х годов прошлого века. Сознавшая свой «грех» и покаявшаяся перед народом интеллигенция кинулась к выполнению своего долга, но вскоре же надломилась свои силы и убедилась, что при данных условиях с народом можно «не слиться, а спиться». Тогда, после «пересмотра» своего «багажа», она обратилась к непосредственной борьбе с упомянутыми условиями. Но политическая партия, во главе которой стояла русская интеллигенция, была еще так слаба, что начатая ею борьба оказалась ей не под силу. И она сошла со сцены, разбитая, униженная. И тогда впервые русскую интеллигенцию сделали козлом отпущения за грехи ее поражений и за неудачи того дела, за которое она взялась. Ее поражение завершило торжество смиренномудрия Достоевского и непротivления злу Толстого. Но, когда в следующем

десятилетия опять подняла голову русская интеллигенция, она начала с «переоценки прежних ценностей» и прежде всего накинута с уничтожающей критикой на все то, что делали и говорили ее предшественники. Начались споры и раздоры, и «наши разногласия»¹ продолжались с ожесточением, даже в тот момент, когда действие требовало единения и солидарности. Но в общем участию интеллигенции в жизни не мешали эти разделения. Когда же волна движения, поднявшая ее активность, упала и отошла прочь, что руководило ею и составляло содержание всей ее деятельности?

Этот ретроспективный процесс пересмотра продолжается уже более двух лет и усиливается все более в наши дни. Сборник «Вехи» составляет хотя не единственный, но зато наиболее типичный образец того, с позволения сказать, самопоедания интеллигенцией интеллигенции же. Слова «интеллигенция», «интеллигентщина», «интеллигентская маска», «интеллигентский мундир» так и пестрят на страницах этой книжки и мелькают в них далеко не в безобидном и не в добродушном смысле. Правда, один из авторов этого сборника, г. Гершензон, в «предисловии» от имени составителей сборника торжественно заявляет, что они не призваны «с высоты познанной истины доктринерски судить русскую интеллигенцию» и что их статьи писаны «не с высокомерным презрением к ее (интеллигенции) прошлому». Но это предупреждение плохо гармонирует со всем последующим, не только представляющим беспощадный суд части интеллигенции над всей интеллигенцией, но и не оставляющим, что называется, камня на камне из всего того огромного построения нашей образованности и культуры, которое российская интеллигенция воздвигала с таким трудом и жертвами в течение многих десятков лет. Весь ее подвиг и старания — напрасный, потерянный труд. И весь ее тернистый, кровавый путь, пройденный до сих пор, — одна сплошная и непоправимая ошибка. Надо сейчас остановиться и вернуться вспять. Надо вернуться к Чаадаеву, к Достоевскому и Толстому, к Толстому 80-х годов. Вот к кому надо обратиться. Остальное и остальных надо забыть и похерить.

Почти в каждой из этих статей вы найдете историю нашей интеллигенции, изложенную с точки зрения ее заблуждений в деле служения народу и вообще греховности ее направления в выполнении своей исторической миссии. Некоторые исследования доходят до глубочайшей русской старины. Но в то же время каждый из этих авторов начинает свою обвинительную речь против интеллигенции с момента ее окончательного падения.

Это время приурочивается к поражению общественного и политического движения в 1905—1906 годах. Никто из них не пытается расследовать степень вины в этой неудаче со стороны интеллигенции. И никто не останавливается на том, насколько поражение это относится не к одной интеллигенции, характеризуя в то же время духовную сущность и других общественных элементов, участвовавших в движении. И все они принимают как нечто неоспоримое, что революция была для интеллигенции тем испытанием, которого она не выдержала, несмотря на свой полувековой опыт. И также все согласились заранее в том, что испытание это является роковым для тех духовных интеллигентских ценностей, которыми образованная часть нашего общества до сих пор гордилась. По-видимому, ни у кого даже нет сомнений в том, что пришла пора выбросить эти ценности за борт. И, во всяком случае, господствует общее убеждение и проводится общая же мысль, будто в интеллигенции назрела потребность «сознательно проверить самые основы ее, интеллигенции, традиционного мировоззрения, которые до сих пор принимались на веру». А между тем мы не видим этого в жизни, по крайней мере, не видим его с неоспоримой очевидностью. В настоящем же сборнике появляются имена, давно известные в выступлении нашего «ревизионизма». Ведь они, напр<имер> Бердяев и Булгаков, еще с Михайловским в спор вступали, а свой религиозно-психологический и мистико-моральный пересмотр предъявили еще задолго до революции. Теперь к ним присоединились такие публицисты, как Струве и Изгоев. Но их эволюция вправо также началась до решительных событий последнего времени.

В своей статье «Философская истина и интеллигентская правда» г. Бердяев очень длинно, но весьма непродуктивно доказывает, что самый крупный недостаток нашего интеллигентского сознания и источник всех интеллигентских бед — это отсутствие философского образования и нелюбовь нашей интеллигенции к тому, что он называет «отвлеченным академизмом». Кому это неизвестно? И, однако же, все лучшие умы мирились с этим малым развитием у нас философии и видели в нем лишь одно производное явление, обусловленное причинами более серьезными, чем мнимая нелюбовь интеллигенции к философии. «Интеллигентское сознание, — настаивает он на своем, — требует радикальной реформы, и очистительный огонь философии призван сыграть в этом важном деле немалую роль». А все то, что мешает предаться мирным занятиям философией, почтенный исследователь совершенно игнорирует.

Г. Булгаков задался целью развенчать «героизм и подвижничество» нашей интеллигенции (статья имеет еще подзаголовок: «Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции»). «Героический интеллигент» — это презрительный, почти бранный термин в сочинении ученого профессора. По его мнению, образованный человек не должен предаваться пламенным мечтам и высоким идеалам и тем не менее может мнить себя спасителем человечества или народа. Как и все люди, он должен мириться с минимумом осуществленного и с возможным в данный момент. Максимализм русской интеллигенции — ее величайший порок и несчастье ее судьбы. Но в то же время истинная природа ее — природа религиозная. Нужно только, чтобы она заполнилась настоящим религиозным содержанием. И тогда интеллигенция совершит предназначенное ей участие в освобождении народа.

В статье «Интеллигенция и революция» г. Струве все несчастье нашей интеллигенции видит в «безрелигиозном отщепенстве от государства». Только этим отщепенством объясняются главные дефекты нашей интеллигенции: «ее моральное легкомыслие и ее неделовитость в политике». Как же помочь горю? «Интеллигенции необходимо пересмотреть все свое миросозерцание, и в том числе подвергнуть коренному пересмотру его главный устой — социалистическое отрицание личной собственности. С вынуждением этого камня рухнет все здание этого миросозерцания». Тут-то и зарыта собака, в этом все дело: пусть интеллигенция перестанет быть социалистической, и все пойдет по-хорошему, т. е. будет так, как того желают наши «ревизионисты».

Г. Изгоев («Об интеллигентной молодежи») выражает мысли, рассеянные в том или ином виде на страницах других авторов. Это целый ушат не скажем грязной, но очень холодной воды, вылитой на голову горячей и увлекающейся молодежи. Основная его мысль в том, что интеллигенция должна отдаться культурной работе, как бы мала она ни была. Горьким опровержением его же доводов и злой шуткой над ними может показаться теперь, когда в Турции совершилась кровавая контрреволюция², следующее заключение статьи: «И, быть может, самый тяжелый удар русской интеллигенции нанесло не поражение освободительного движения, а победа младотурок, которые смогли организовать национальную революцию и победить почти без пролития крови».

В чем же заключается то положительное, что выдвигают наши публицисты на смену отрицаемых ими свойств духовного

облика нынешнего интеллигента? Кроме религиозности и любви к философии что рекомендуют они нашей интеллигенции для ее оздоровления? Ответ мы находим в том же предисловии от имени авторов. «Их общей платформой, — говорится тут, — является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития... С этой точки зрения идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — на признании безусловного примата общественных форм, — представляется участникам книги внутренне ошибочной, т. е. противоречащей естеству человеческого духа, и практически бесплодной, т. е. неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция, — к освобождению народа». Иными, более короткими словами, интеллигенция должна отказаться от борьбы с «общественными формами» и от борьбы за изменение их и прежде всего усовершенствовать «внутреннюю жизнь личности».

Как видим, это даже не буржуазный индивидуализм, которого можно было ожидать от публицистов, мечтающих о рождении у нас свободолюбивого и культурного общества, а *mixtum compositum*³ из старых мистических рецептов и новейших демагогических платформ. В общем же, это старое, давно набившее оскомину воззвание — обратиться к себе и сосредоточиться в себе, отвернувшись от всего окружающего. В сущности, это старая реакционная проповедь личного самосовершенствования, и обозначает она повторение одного из тяжелых моментов нашего общественного и духовного успеха. «Вехи» указывают лишь ту новую точку этого уклона, на которой мы теперь стоим...

(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909. С. 139—145; первоначально опублик. в газете «Одесские новости» (1909. № 7785. 9 (22) апреля; № 7788. 12 (25) апреля) под названием «Литературный дневник» с подписью Н. Г.)

